

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПЕВЧЕСКАЯ КНИГА КОНДАКАРЬ: НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ

Т. В. Швеиц

К 200-летию со дня рождения русского археографа, библиографа, собирателя и исследователя памятников древнерусской письменности Вукола Михайловича Ундольского (1816—1864)

В статье рассматривается начальный этап изучения древнейшей русской нотированной книги Кондакарь, охватывающий период 40-х гг. XIX — начала XX вв. Основу исследования составили первые научные описания рукописных памятников кондакарного письма, а также доклады, историко-палеографические очерки, статьи, курсы лекций и монографии, посвященные данной тематике. Некоторые исследования, забытые в настоящее время, вводятся в науку впервые. Авторами представленных работ были выдающиеся деятели своего времени: историки, филологи, археографы, палеографы, известные деятели Русской православной церкви. В статье впервые прослеживается процесс формирования и развития научного знания о певческой книге Кондакарь, анализируются достижения и высказанные гипотезы. Сложившиеся в этот период направления в изучении Кондакарей, подготовили дальнейшее развитие науки о древнерусском певческом искусстве.

Ключевые слова: *древнерусское певческое искусство, историография, певческая книга Кондакарь, кондакарная нотация, описание рукописи.*

К Кондакарям как к объекту научного изучения обращались исследователи различных областей знания. Такой интерес к этим музыкальным рукописям был не случайным. Древнейшие кодексы содержали значительный корпус песнопений, писцовые записи, рисунки, оригинальные тексты русским святым, греческие тексты в славянской транслитерации, загадочную нотацию.

Самой ранней работой, содержащей сведения о Лаврском (Троицком) Кондакаре [19], можно считать небольшой очерк В. М. Ундольского «Замечания для истории церковного пения в России» [28], опубликованный в журнале Императорского Московского общества истории и древностей российских «Временник» за 1846 г.¹ В нем автор сообщает важные сведения об объеме и размере кодекса (115 листов, в четверть), самоназвании и составе рукописи, датирует Кондакарь началом XII в. После сравнения Кондакаря с древними нотированными Стихирарями, В. М. Ундольский приходит к выводу об уникальности содержащихся в кодексе «нотных знаков», которые не похожи на знаменную нотацию, а также отмечает наличие неких знаков «для остановки (числом до пяти) тоже особого вида» [28, с. 3]. В данном случае, вероятно, речь идет о так называемых пяти мартириях, которые устойчиво употребляются в текстовой строке кондаков Лаврского Кондакаря, схожи с буквами греческого алфавита и в некоторых случаях могут действительно восприниматься как знаки членения поэтического текста.

В. М. Ундольский одним из первых указывает на возможную схожесть нотации Кондакаря с греческими невмами, что свидетельствует о его знании семиографии не только древнерусских, но греческих рукописей. Для иллюстрации этого предположения он публикует два снимка Лаврского Кондакаря

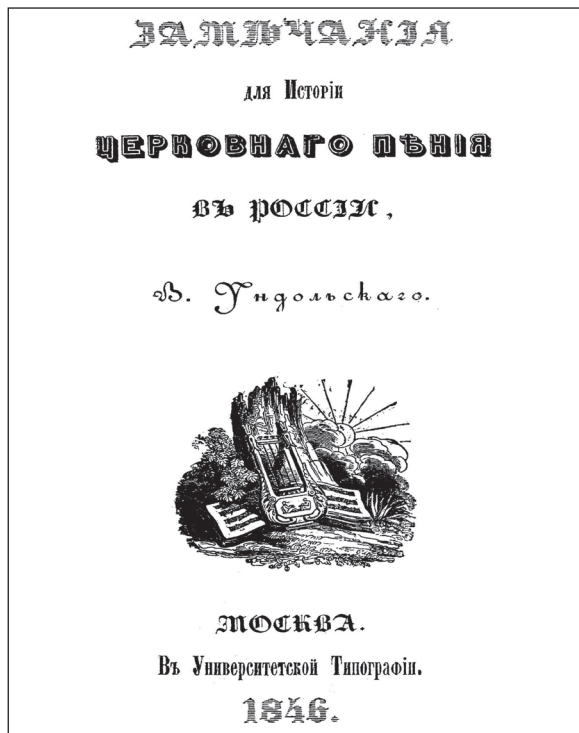
(л. 43, 47) с песнопениями свв. князьям Борису и Глебу и свв. Маккавеем для того, чтобы «любители и знатоки церковного пения» самостоятельно смогли провести анализ нотации и дать оценку его высказыванию [28, с. 47—48]. Примечательно, что автор очерка обращает внимание на образованность русских певчих, которые уже в XII в. не только знали такую нотацию, но и самостоятельно сочиняли и записывали песнопения русским святым.

В 1853 г. известным деятелем Русской православной церкви, историком и исследователем архимандритом Макарием (Миролюбовым) впервые было составлено описание Благовещенского Кондакаря². Характеристика кодекса вошла в значительный труд архимандрита «Памятники церковных древностей в Нижегородской губернии», который был опубликован в периодическом издании Императорского Археологического общества в 1857 г. [8, с. 194—206]. Именно эта работа, незаслуженно забытая сегодня, стала первым исследованием такого значительного и уникального памятника древнерусской музыкальной письменности.

Труд архим. Макария включает: описание палеографических особенностей рукописи (формат, состав тетрадей, разлиновка, переплет, качество пергамена) и состава кодекса (жанры песнопений), характеристику месяцесловных памятей (в сравнении с современным календарем), анализ гимнографического текста (особенности написания букв, слов и некоторых текстов) и нотации, публикацию кондака свв. князьям Борису и Глебу (л. 52—52 об.). Здесь также впервые приводятся сведения о наличии греческих текстов, написанных в славянской транслитерации в составе Азматика. Автор, основываясь на анализе особенностей поэтического текста,

¹ В. М. Ундольский состоял действительным членом указанного общества с 1845 года, с 1847 года — был его библиотекарем.

² В это время Кондакарь хранился в Благовещенском монастыре Нижнего Новгорода. В Отдел рукописей Императорской Публичной библиотеки рукопись поступила в 1860 г. [20].

Титульный лист труда В. М. Ундольского «Замечания для истории церковного пения в России», 1846 г.

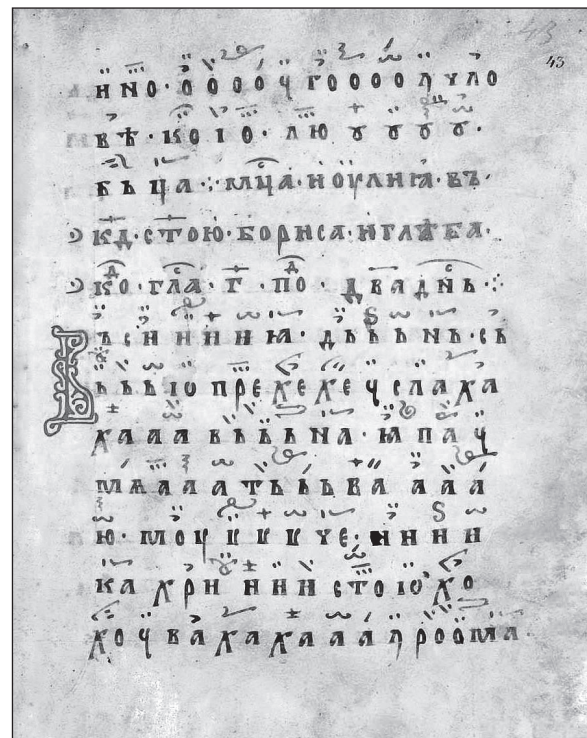
относит Кондакарь к числу северных, а именно новгородских рукописей. Он датирует кодекс концом XI — началом XII вв. исходя из двух дат, относящихся к началу почитания преп. Феодосия Печерского, заключительная часть кондака которому содержится в рукописи на 41 листе¹.

Исследователь также цитирует скрепляющую листы запись о принадлежности рукописи Благовещенскому Нижегородскому монастырю, которая была выполнена архимандритом Лаврентием в 1746 г.² Запись, ко времени обращения к кодексу архим. Макария, уже сохранилась не полностью и имела утраты. Благодаря этому свидетельству сегодня можно утверждать, что около шести листов Благовещенского Кондакаря, включая лист, содержащий начало кондака Феодосию Печерскому, исчезли из рукописи в период с 1746 по 1853 гг.

Но наиболее интересными нам представляются мысли архимандрита, посвященные нотации рукописи. Поскольку термина «кондакарная нотация» в этот период еще не существовало, архимандрит Макарий, как и В. М. Ундольский, называет невмы «нотами». Их начертания он разделяет на несколько групп, а именно: 1) знаки, похожие на буквы греческого алфавита; 2) знаки (особенно верхнего ряда), похожие на буквы славянского алфавита; 3) знаки, включающие элементы диакритики (линии, точки, придыхания и проч.); 4) «крюковые» ноты, заимствованные от греков. В соответствии с таким

¹ Это дата открытия мошей преп. Феодосия (1091 г.) и дата его канонизации (1108 г.) [8, с. 205].

² «Сия праздничная круковая на паргамине Синадального что при Нижнем Новеграде Благове[щенско]го монастыря подписана [ты]ща семьсотъ сорокъ шестаго году иуны пятаго [... архима]ндрите Лаврентии» [20, л. 1—62; 8, с. 194—195].

Лаврский Кондакарь. Кондак св. князьям Борису и Глебу (л. 43). Впервые опубликован В. М. Ундольским

распределением автор предлагает отнести нотацию Кондакаря к числу самых древних «азбучнокрюковых нот» [8, с. 199—201].

Проведя сравнение Благовещенского Кондакаря с опубликованными В. М. Ундольским снимками Лаврского Кондакаря, архимандрит Макарий приходит к суждению о сходстве нотных знаков двух памятников, однако указывает, что некоторые «ноты» Благовещенского Кондакаря в Лаврском памятнике уже не употребляются. Это важное наблюдение о различии словаря знаков кондакарной нотации Благовещенского и Лаврского Кондакарей, высказанное здесь впервые, будет отмечаться многими исследователями вплоть до настоящего времени.

В 1858 г. впервые в научный оборот вводится Типографский Устав с Кондакарем [7]. Краткие сведения о составе этого кодекса (с расшифровкой двух писцовых записей) были напечатаны в небольшой заметке архимандрита Саввы в Известиях по Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук [23, стб. 373]. Благодаря этой публикации, начиная со второй половины XIX в., начинается все более разностороннее изучение рукописи. В частности, архимандрит Сергей (Спасский) в 1875 г. в своем исследовании приводит состав месящеслова Типографского Кондакаря в сравнении с Успенским Кондакарем и описание списка Студийского Устава [24, с. 22—24]. В 1879 г. архимандрит Амфилохий (Сергиевский) публикует ряд текстов кондаков и икосов из данной рукописи в параллель с греческими из ненотированного Кондакаря Синадальной библиотеки № 437³ с подробным разбором разночтений [1]. Наконец, И. Д. Мансветов в 1885 г.

³ В настоящее время греческий Кондакарь (ГИМ, Син. греч. 437) датируется первой половиной XIV в. [29, с. 103—104; 30, с. 208].

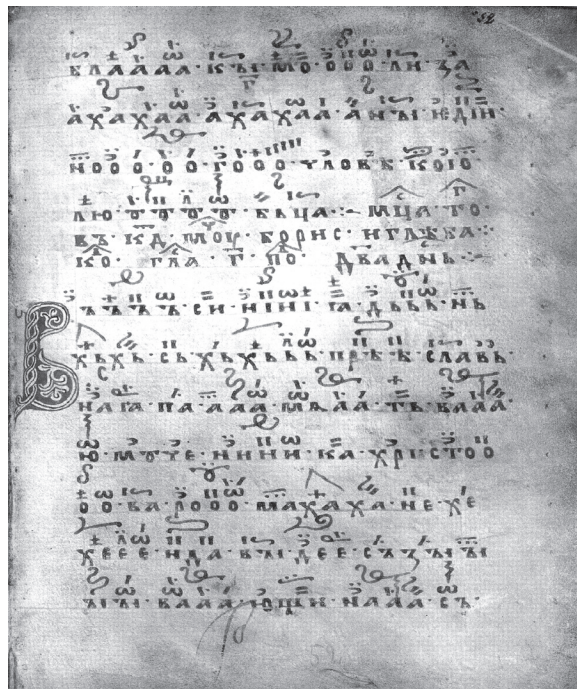
Архимандрит Макарий (Миролюбов), впоследствии архиепископ (1817—1894)

впервые воспроизводит полностное описание содержания рукописи, включая краткие сведения о палеографических особенностях, записях, рисунках Кондакаря и исследование фрагмента Студийского Устава, содержащегося в кодексе [9, с. 380—391].

В это же время изучением особенностей церковно-славянского языка древнейших рукописей занимался филолог-славист, палеограф, академик И. И. Срезневский. Им был опубликован свод рукописных памятников, отражающих древнерусскую письменность, в состав которого вошел Успенский Кондакарь 1207 г. [5]. Срезневский дает определение книге Кондакарь, перечисляет известные ему списки, указывает памяти русским святым, которые в них встречаются. На примере Успенского Кондакаря он раскрывает жанровый состав книги, а также рассматривает особенности начертаний букв церковно-славянского языка и отмечает особенности правописания [27, с. 170—172].

В начале 70-х гг. XIX в. известными палеографами и историками А. В. Горским и К. И. Невоструевым была закончена значительная работа (она продолжалась более двадцати лет) по описанию рукописей Московской Синодальной библиотеки. В заключительную часть этого исследования вошли сведения о Синодальном Кондакаре [4], содержащие полностное описание кодекса [6, с. 384—388]. Сведения о «нотах» или «нотных знаках» рукописи здесь максимально краткие: указывается только их наличие или отсутствие. Зато подробно изложен месяцесловный круг памятней в сравнении с пергаменными и современными минеями. На настоящий момент это единственное полностное описание Синодального Кондакаря.

Данные о составе Лаврского Кондакаря, ранее упоминавшегося в очерке В. М. Ундольского, были опубликованы в 1878 г. в работе, посвященной описанию рукописей Троице-Сергиевой лавры [12,

Благовещенский Кондакарь. Кондак св. князьям Борису и Глебу (л. 52). Впервые опубликован архим. Макарием (Миролюбовым)

с. 37]. В издании приводятся краткие палеографические сведения, жанровый состав кодекса по разделам, отмечены русские памяти: свв. князьям Борису и Глебу и Спасу Всемиловитовому. Нотация рукописи указана как «крюковая».

Таким образом, к середине 80-х гг. XIX в. были составлены описания (разной степени подробности) пяти древнерусских Кондакарей. В первую очередь были зафиксированы: особенности жанрового состава, писцовые записи, содержащиеся в книгах памяти русским святым. Нотация не имеет в этот период точного определения и называется исследователями по-разному, как «ноты», «нотные знаки» или «крюки». В. М. Ундольским впервые отмечена разница между нотациями Стихирарей и Кондакарей, а архимандритом Макарием предложена попытка классификации начертаний знаков.

Первая классическая работа по истории и теории церковного пения, написанная протоиереем Дмитрием Разумовским как курс лекций специально для студентов Московской консерватории, была опубликована в 1867 г. [18]. Это издание служило, прежде всего, учебником и охватывало период от древней христианской церкви до современного Д. В. Разумовскому времени.

Период бытования Кондакарей и кондакарной нотации на Руси автор называл «первоначальной эпохой греческого распева», связывая, таким образом, происхождение нотации и первых «кондакарных» рукописей с Византией. Наблюдения, высказанные Д. В. Разумовским в этой работе, посвящены, прежде всего, исследованию технического устройства нотации кондакарей. Он вводит термин «кондакарное знамя», а распев¹, записанный этой

¹ Автор статьи принадлежит Петербургской школе исследователей, придерживающихся архаизированного написания «распев» (примеч. ред.).

нотацией называет «греческим» [18, с. 59, 111]. Автор впервые отмечает, что кондакарное знамя встречается не только в Кондакарях, но и в рукописях со знаменной нотацией и даже в виде вкраплений в знаменные песнопения [18, с. 59—60]. Сам роспев подчинен системе осмогласия, причем знатоки кондакарной «мелодии» знали разделение гласов на высокие и низкие, согласно греческой теории. По мнению автора книги, роспев Кондакарей не отличался мелодическим разнообразием, потому что состоял из «частных мелодий» (вероятно, речь идет об устойчивых невменных комплексах или попевах), которые были связаны между собой и часто повторялись. А изучение первой эпохи греческого роспева в России невозможно, поскольку мелодии Кондакарей не были своевременно изложены другой нотацией и были утрачены к началу XIV в. [18, с. 112—113].

Однако, несмотря на столь категоричное мнение Д. В. Разумовского, изучение кондакарной нотации и певческой книги Кондакарь было продолжено.

Степан Васильевич Смоленский (1848—1909)

В 1901 г. на заседании Общества любителей древнерусской письменности С. В. Смоленский высказал свои первые наблюдения, касающиеся данной темы. В этом же году доклад был опубликован в издании ОЛДП [26]. Свои выводы автор сделал на основании исследования двух памятников, а именно Типографского и Лаврского Кондакарей. Они заключались в следующем [26, с. 27—30]: 1) двухрядовая кондакарная нотация похожа на греческую «чрезвычайно отдаленно», а рисунок многих кондакарных знамен вполне самостоятелен; 2) наличие мартирий в нотации указывает на одинаковое теоретическое строение кондакарной и греческой нотаций; 3) кондакарными знаменами излагались не только кондаки, но и другие тексты, подчиненные системе осмогласия; 4) кондакарные знамена вводились в качестве эпизода в знаменную нотацию; 5)

нотация одинаковых песнопений в разных Кондакарях имеет различия. Отметим, что именно в этой работе Смоленского впервые применяется термин «кондакарная нотация».

Свои изыскания в области «загадочного» кондакарного знамени С. В. Смоленский продолжил: в 1906 г. в ОЛДП им был зачитан следующий доклад, уже полностью посвященный этой теме¹. Степан Васильевич значительно расширил круг просмотренных источников: им были изучены все известные нотированные Кондакари (5 списков). Также он впервые ввел в научный оборот ненотированный «Погодинский Кондакарь XIII века», известный в настоящее время как вторая часть Кондакаря Общества истории и древностей российских (ОИДР) [21].

Среди новых направлений исследования Кондакарей, затронутых в этой работе, можно отметить следующие:

1) Сравнительное изучение месяцесловных памятней Кондакарей, Стихирарей и Миней XII—XIII вв. Смоленский указал на 111 памятней, которые одинаково встречаются в этих книгах [22, с. 587].

2) Исследование музыкальной формы кондаков как системы рифмования строк. Проводилось на примере кондака «Душе моя, душе моя, возстани, что спиши» (в среду 5-й недели Поста). Ученый впервые обратил внимание на указание «под(обен)», встречающиеся в середине текста многих кондаков, которое означает повтор первой невменной строки [22, с. 590].

3) Изучение системы подобия кондаков. Осуществлялось на примере образца 6-го гласа «Еже о насъ» (кондак Вознесению) и девяти кондаков, написанных на этот подобен и образца 3-го гласа «Дева днесъ» (кондак Рождеству Христову) и восьми подобных кондаков [22, с. 591].

4) Исследование кондакарной нотации как системы, состоящей из нотных знаков (нижняя строка) и знаков, обозначающих оттенки исполнения (верхняя строка). Детальное изучение нотации ударных и безударных гласных привело Смоленского к выводу о значении некоторых кондакарных невм нижнего ряда.

5) Мартирии кондакарной нотации. Автор отметил стабильное использование мартирий в Лаврском, Успенском и Синодальном Кондакарях. В Типографском Кондакаре мартирии выскабливались или вымывались, что говорит о работе справщика над этой рукописью. Смоленский сделал предположение, что наличие или отсутствие мартирий в нотации Кондакарей может свидетельствовать о различных местах написания памятников [22, с. 592].

6) Греческие тексты или «гречизмы» Благовещенского Кондакаря и исследование Азматика [22, с. 589—590].

7) Судьба песнопений, изложенных в Кондакарях. Смоленский предполагал, что исчезновение Кондакарей из богослужебной практики связано с проведением церковной реформы в конце XIII в. В отличие от Д. В. Разумовского ученый считал, что кондакарные песнопения были переизложены крюками. А один из путей раскрытия мелодического

¹ Доклад был опубликован посмертно в Русской музыкальной газете [25]. В настоящее время текст доклада опубликован вторично. См. [22, с. 581—595].

значения кондакарных песнопений лежит через их изучение в редакциях XVI в. [22, с. 594—595].

К сожалению, по всем направлениям исследования, которые наметил С. В. Смоленский, в работе приводятся только выводы без примеров и подробного их описания. В связи с этим сегодня мы не можем оценить объем проделанной работы и предложенную систему доказательств. Однако выводы и наблюдения Смоленского, высказанные в данном докладе, чрезвычайно значительны. Многие из них получают свое дальнейшее развитие в исследованиях второй половины XX — начала XXI вв., некоторые его высказывания не проверены до сих пор.

В 1906 г. силами Общества любителей древнерусской письменности была организована экспедиция русских ученых на Афон с целью выявления, описания и копирования различных образцов греческих певческих книг и нотаций [2]. С. В. Смоленский, организатор экспедиции, надеялся обнаружить в монастырских архивах и славянские рукописи с древнейшим типом нотации, похожим на кондакарную. Однако эти надежды не оправдались. После изучения афонских рукописей Степан Васильевич окончательно пришел к мнению о русском происхождении кондакарной нотации, поскольку аналог этой нотной записи так и не был найден.

В 1906 г. в «Вестнике археологии и истории» была опубликована статья преподавателя Бугуруславского Духовного училища К. И. Пападопуло-Керамевса, содержащая критический отзыв на книгу С. В. Смоленского «О древнерусских певческих нотациях» [13]. В ней автор декларирует утверждение о том, что все певческие нотации, включая и кондакарную, были получены славянами из Византии «вместе с их теорией и практикой». Очевидно, что Пападопуло-Керамевс работал с доступной ему рукописью Благовещенского Кондакаря, так как в

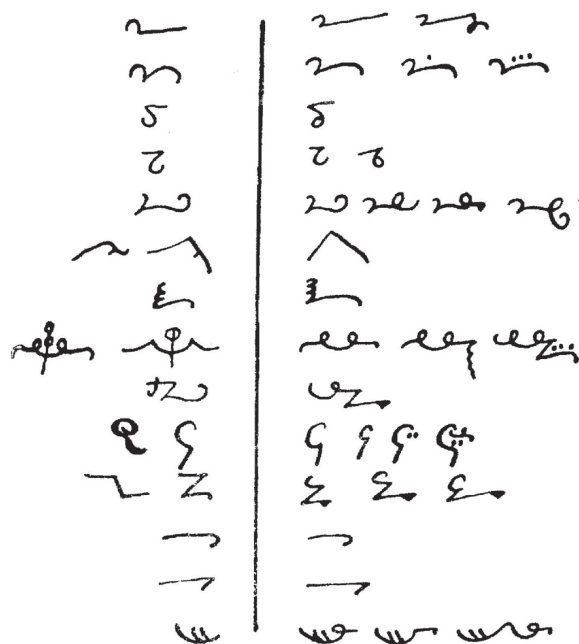
статье он ссылается только на этот памятник¹. Он обратил внимание на большое количество содержащихся здесь греческих текстов (включая Азматик), на гласовые слоговые формулы — «энихимата», применяющиеся византийскими певцами, а также на невмы верхнего ряда кондакарной нотации, которые являются аналогом безгласных (или хирономических) знаков, называемых «большими ипостасями». Пападопуло-Керамевс публикует сравнительную таблицу, в которой приводит начертания больших ипостасей (14 невм с названиями) по греческой книге Пападики и их аналог в кондакарной нотации [13, с. 166]. Этот пример сравнения семиографии больших ипостаз и кондакарных знаков стал первым в истории сравнительного изучения кондакарного и греческого невменного письма. Ссылаясь на некое

Протоиерей Василий Михайлович Металлов
(1862—1926)

историческое свидетельство об исполнении кондаков «особым хором исключительно из светских лиц» в Византии², автор делает вывод о существовании там сложного кондакарного роспева, который и был получен русскими «в законченном виде».

Значительный вклад в исследование Кондакарей и кондакарной нотации внес протоиерей В. М. Металлов, создавший, по сути, первую монографию, посвященную нотированным рукописям так называемого «студийского» периода [10]. В рамках книги «Богослужбное пение русской церкви в период домонгольский» были рассмотрены пять Кондакарей, имеющих нотацию: Типографский, Благовещенский, Лаврский, Успенский, Синодальный. Здесь впервые наиболее полно и правильно был

Знамена греческих пападик

Знамена славянских кондакарей

Сравнительная таблица невм греческой и кондакарной нотаций К. И. Пападопуло-Керамевса

¹ К. И. Пападопуло-Керамевс приводит датировку этого памятника как конец XII — начало XIII вв. по А. И. Соболевскому (известный палеограф, славист, лингвист). Именно так в настоящее время принято датировать Благовещенский Кондакарь [13, с. 170].

² Толкование 15-го правила Лаодикийского собора канониста XII в. Вальсамона. См. [13, с. 169].

представлен жанровый состав песнопений каждой из книг (включая количественный показатель), а также высказаны предположения о месте создания рукописей по ряду признаков. Одной из самых спорных (вплоть до настоящего времени) является гипотеза Металлова о киевском происхождении Типографского Кондакаря [10, с. 181—185].

В. М. Металлов не отрицал заимствование кондакарного пения из Византии. Он считал, что кондакарные песнопения вводились в русское богослужение как подражание византийскому пышному церемониальному обряду [10, с. 233]. А кондакарный распев он приравнивал к придворному «демественному» пению. Как и С. В. Смоленский, Металлов отмечает наличие в Кондакарях слоговых вставок, таких как «анена», «хивуа» и др., «византийских» мартирий, греческих певческих терминов, слоговых формул гласа, которые свидетельствуют о близости Кондакарей к их «греческому оригиналу» [10, с. 121—122; 174—176]. Кроме уже известных фактов о возможном влиянии Устава Великой Церкви и его отражении в некоторых песнопениях Кондакаря, Металлов рассматривает кондакарное знамя как записанную на пергамене византийскую хирономию, которую воспроизводил доместик при руководстве певцами.

Однако, основательно изучив образцы кондакарного письма¹, ученый пришел к выводу, что эта нотация является неким «сплавом» нескольких семиографий. Он высказал ряд новаторских предположений о том, что невмы кондакарной нотации включают элементы византийской, греко-сирийской, армянской семиографии, а также остатки древних демотических египетских знаков. Влияние Востока, особенно Сирии, отразившееся в невмах кондакарной нотации, ученый связывал с многонациональным Афоном, где, по его мнению, и была изобретена эта нотация [10, с. 166—167].

Протоиерей В. М. Металлов не поддерживал предположение С. В. Смоленского о реформе церковного пения в конце XIII в. Утрату кондакарного распева на Руси он связывал с непростой исторической ситуацией: с татаро-монгольским нашествием и падением Византии и, как следствие этого, потерей отношений двух православных держав. Чуждое «византийское» пение, требующее виртуозного владения голосом, со сложной системой записи не прижилось в этот период на Руси [10, с. 235]. Прежде всего, В. М. Металлов рассматривал Кондакари как исторические и археологические памятники. Возможно, поэтому он не высказывал никаких предположений о дальнейшей судьбе кондакарного распева и расшифровке кондакарной нотации.

Еще один крупный ученый-медиевист начала XX в., ближайший друг и коллега С. В. Смоленского — А. В. Преображенский также придерживался «византиноцентрической» позиции и писал о полном заимствовании славянами греческой нотации и напевов. Антонин Викторович специально не занимался исследованием Кондакарей, его научные

интересы были направлены на корпоративное изучение палеовизантийской и древней знаменной нотации, зафиксированной в Стихиарях [14; 16]. Но некоторые общеизвестные к этому времени факты об этих певческих книгах и нотации он поместил в своих исторических работах [15; 17]. Также Преображенским был обнаружен лист с кондакарной нотацией XIV в., в одной из древних Миней Синодального собрания [3], о чем сообщил в своем докладе Смоленский [22, с. 594].

Таким образом, к началу XX в. учеными-медиевистами были изучены почти все списки древнерусских Кондакарей (исключая первую часть Кондакаря ОИДР). Рукописные кодексы введены в исторический контекст развития церковно-певческой культуры Российского государства. Проведена атрибуция, датировка памятников, определен жанровый состав певческих книг, осуществлен статистический подсчет песнопений. Так как почти все исследователи склонялись к византийскому происхождению как самих книг, так и кондакарной нотации, то особое внимание было направлено на выявление «греческого» в Кондакарях: перечислены все греческие тексты, элементы византийского осмогласия, включая мартирии, слоговые гласовые формулы и пр. Высказан ряд гипотез о происхождении семиографии кондакарной нотации, о значении невмы и судьбе кондакарного распева после XIII в.; положено начало компаративному анализу знаков кондакарной и греческой нотаций.

Огромный багаж накопленных знаний и необычайный интерес к изучению рукописного наследия своего Отечества способствовали стремительному развитию науки о древнерусском певческом искусстве, которое было прервано трагическими событиями начала XX в. Но высказанные гипотезы и предложенные пути дальнейшего становления научного знания, безусловно, не утратили своей ценности и по сей день.

Литература и источники

1. Амфилохий (Сергиевский). Кондакарий в греческом подлиннике XII—XIII в. по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 437 с древнейшим славянским переводом кондаков и икосов какие есть в переводе, и с приложением / Амфилохий (Сергиевский), архимандрит. — М.: Тип. быв. А. В. Кудрявцевой, 1879. — 260 с.
2. Борисовец, Е. А. Научное значение Афонской экспедиции С. В. Смоленского / Е. А. Борисовец // Греко-русские певческие параллели. К 100-летию афонской экспедиции С. В. Смоленского; сост. и науч. ред. А. Н. Кручинина, Н. В. Рамазанова. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. — С. 26—38.
3. ГИМ, Син. 168. Л. 1.
4. ГИМ, Син. 777.
5. ГИМ, Усп. 9.
6. Горский, А. В. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. В 3-х отделениях. Отд. III, ч. 2. / А. В. Горский, К. И. Невоструев — М.: Синод. тип., 1917. — 528 с.
7. ГТГ, К-5349.
8. Макарий (Миролюбов). Памятники церковных древностей в Нижегородской губернии / Макарий (Миролюбов), архимандрит. — СПб.: Синод. тип., 1857. — 514 с.
9. Мансветов, И. Д. Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви /

¹ В. М. Металлов опубликовал девять снимков с образцами кондакарной и знаменной нотаций из Типографского и Благовещенского кондакарей. См.: 11, табл. I—V, XVIII—XXI.

И. Д. Мансветов. — М. : Тип. Э. Лиснера и Ю. Ролана, 1885. — 449 с.

10. Металлов, В. М. Богослужбное пение русской церкви в период домонгольский по историческим, археологическим и палеографическим данным. Ч. 1, 2 / В. М. Металлов. — М. : Печатня А. Снегиревой, 1912. — 349 с., XII л.: ил.

11. Металлов, В. М. Русская семиография. Из области церковно-певческой археологии и палеографии / В. М. Металлов. — М. : Печатня А. Снегиревой, 1912. — 118 с., [119] л.

12. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры : в 2 ч. — Ч. 1 / [Иларий, иером., Арсений, иером.] — М. : Тип. Т. Рус, 1878. — 44 с.

13. Попадопуло-Керамевс, К. И. Происхождение нотного музыкального письма у северных и южных славян по памятникам древности, преимущественно византийским / К. И. Попадопуло-Керамевс // Вестник археологии и истории. — Т. XVII. — СПб., 1906. — С. 134—171.

14. Преображенский, А. В. Греко-русские певчие параллели / А. В. Преображенский // De Musica: Временник отдела теории и истории музыки. — Вып. 2. — Л., 1926. — С. 60—77.

15. Преображенский, А. В. Культурная музыка в России / А. В. Преображенский. — Л. : Асадетиа, 1924. — 123 с.

16. Преображенский, А. В. О сходстве русского музыкального письма с греческим в певчих рукописях X—XII веков / А. В. Преображенский // Русская музыкальная газета. — 1909. — № 8, 9, 10.

17. Преображенский, А. В. Очерк истории церковного пения в России / А. В. Преображенский. — Изд. 2-е. — СПб., [1910]. — 64 с., ил., 8 с.: нот.

18. Разумовский, Д. В. Церковное пение в России. Опыт историко-технического изложения : в 3 вып. / Д. В. Разумовский, протоиерей. — Вып. 1 — М. : Тип. Т. Рус, 1867. — 136 с.

19. РГБ, ф. 304.1., № 23.

20. РНБ, Q.п. 1. 32.

21. РНБ, Погод. 43.

22. Русская духовная музыка в документах и материалах : в 7 т. — Т. VII: Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности (1906), кн. 1: Дневник С. В. Смоленского. Письма. Материалы / Гос. ин-т искусствознания ; подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М. П. Рахмановой, Е. А. Борисовцев. — М. : Языки славянских культур, 2012. — 800 с., ил.

23. Савва. Письмо к редактору / Савва, архимандрит // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. — Т. 7. — СПб., 1858. — Стлб. 371—374.

24. Сергей (Спасский). Полный месяцеслов Востока : в 3 т. / Сергей (Спасский), архимандрит. — Т. 1. — М. : Тип. Современных Известий, 1875. — Приложение 5. — С. 22—24.

25. Смоленский, С. В. Несколько новых данных о так называемом кондакарном знамени / С. В. Смоленский // Русская музыкальная газета. — 1913. — № 44—46, 49.

26. Смоленский, С. В. О древнерусских певческих нотациях: историко-палеографический очерк / С. В. Смоленский. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1901. — 120 с.

27. Срезневский, И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV веков. Лекции, читанные в имп. Санкт-Петербургском ун-те в 1865—1880 гг. / И. И. Срезневский. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1885. — 261 с.

28. Ундольский, В. М. Замечания для истории церковного пения в России / В. М. Ундольский. — М. : Университет. тип., 1846. — 48 с.

29. Фонкич, Б. Л. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки: палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архим. Владимира (Филантропова) / Б. Л. Фонкич, Ф. Б. Поляков — М. : Синод. б-ка Московского патриархата, «Мартис», 1993. — 239 с.

30. Шеховцова, И. П. Предварительный список к каталогу греческих певческих рукописей московских собраний / И. П. Шеховцова // Музыкальная археография—2013 : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. — М. : РАМ им. Гнесиных, 2013. — С. 172—220.

Поступила в редакцию 12 марта 2016 г.

ШВЕЦ Татьяна Викторовна, старший преподаватель кафедры древнерусского певческого искусства, Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. Автор научных и учебно-методических работ в области древнерусской церковной музыки, а также расшифровок древнерусской монодии и многоголосия. Художественный руководитель Ансамбля древнерусской музыки «Знамение» (СПбГК), приглашенный преподаватель Международного фестиваля Академия православной музыки, лауреат международного конкурса. E-mail: t_shvets@mail.ru

**Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2016, vol. 16, no. 2, pp. 98—105**

DOI: 10.14529/ssh160215

THE SINGING BOOK KONDAKAR: THE INITIAL PERIOD OF RESEARCH

**T. V. Shvets, St. Petersburg State Conservatory, St. Petersburg, Russian Federation,
t_shvets@mail.ru**

This article describes the early studies of the oldest Russian singing book Kondakar covering the period from 1840s to the beginning of the 20th century. It is based on the first scientific descriptions of manuscripts containing Kondakarian notation, presentations, historical and paleographic studies, articles, courses of lectures and monographs dedicated to this subject. A few now forgotten works are introduced for the first time. These are studies by the outstanding figures of the time: historians, philologists, archaeographers, palaeographers and famous Russian Orthodox churchmen. Author of this article traces the process of formation and development of scientific knowledge on the Kondakar for the first time; she analyzes achievements of her predecessors and states some hypotheses. Direc-

tions and approaches elaborated during the described period have prepared the further development in this field of science.

Keywords: Old Russian chant, historiography, singing book Kondakar; Kondakarian notation, description of manuscripts.

References

1. Amfilohij (Sergievskij), arhimandrit. Kondakarij v grecheskom podlinnike XII—XIII vekov po rukopisi Moskovskoj Sinodal'noj biblioteki No. 437 s drevnejšim slavjanskim perevodom kondakov i ikosov kakie est' v perevode, i s prilozheniem [The original Greek Kondakar from the XII—XIII centuries according to the manuscript of the Moscow Synod library No. 437 with the most ancient Slavic translation of kontakia and oikoi that exist in translations, with the appendix]. Moscow, 1879, 260 p.
2. Borisovec E. A. Nauchnoe znachenie Afonskoj jekspedicii S. V. Smolenskogo [Scientific value of Athos expedition of S. V. Smolenskij]. Greko-russkie pevcheskie paralleli. [Greek-Russian singing parallels]. Moscow, St. Petersburg, 2008, pp. 26—38.
3. GIM [State Historical Museum, Moscow], Sin. 168, f. 1.
4. GIM [State Historical Museum, Moscow], Sin. 777.
5. GIM [State Historical Museum, Moscow], Usp. 9.
6. Gorskij A. V., Nevostruev K. I. Opisanie slavjanskih rukopisej Moskovskoj Sinodal'noj biblioteki [Description of Slavic manuscripts of the Moscow Synod library]. Vol. 3, part 2. Moscow, 1917, 528 p.
7. GTG [The State Tretyakov Gallery, Moscow], K-5349.
8. Makarij (Miroljubov), arhimandrit. Pamjatniki cerkovnyh drevnostej v Nizhegorodskoj gubernii [Monuments of church antiquities in the Nizhny Novgorod province]. St. Petersburg, 1857, 514 p.
9. Mansvetov I. D. Cerkovnyj Ustav (Tipik), ego obrazovanie i sud'ba v grecheskoj i ruskoj cerkvi [The church Typikon, its formation and destiny in the Greek and Russian churches]. Moscow, 1885, 449 p.
10. Metallov V. M. Bogosluzhebnoe penie ruskoj cerkvi v period domongol'skij [Liturgical singing of the Russian church in the pre-Mongolian period]. Moscow, 1912, 349 p., XII f.
11. Metallov V. M. Russkaja semiografija. Iz oblasti cerkovno-pevcheskoj arheologii i paleografii [The Russian semiography. From the research field of church and singing archeology and paleography]. Moscow, 1912, 118 p., [119] f.
12. [Arsenij, ieromonah, Ilarij, ieromonah]. Opisanie slavjanskih rukopisej biblioteki Svjato-Troickoj Sergievoj lavry [Description of Slavic manuscripts of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra library]. Vol. 1. Moscow, 1878, 44 p.
13. Popadopulo-Keramevs K. I. Proishozhdenie notnogo muzykal'nogo pis'ma u severnyh i juzhnyh slavjan po pamjatnikam drevnosti, preimushhestvenno vizantijskim [Origins of the musical notation of northern and southern Slavs after the ancient sources, mainly Byzantine]. Vestnik arheologii i istorii. [Bulletin of archeology and history]. Vol. 17. St. Petersburg, 1906, pp. 134—171.
14. Preobrazhenskij A. V. Greko-russkie pevchie paralleli [Greek-Russian singing parallels]. De Musika: Vremennik otdela teorii i istorii muzyki [De Musika: Bulletin of the Department of the theory and history of music]. Leningrad, 1926, pp. 60—77.
15. Preobrazhenskij A. V. Kul'tovaja muzyka v Rossii [Cult music in Russia]. Leningrad, 1924, 123 p.
16. Preobrazhenskij A. V. O shodstve russkogo muzykal'nogo pis'ma s grecheskim v pevchih rukopisjah X-XII vekov [On the similarity of Russian and Greek music writing in singing manuscripts of the X—XII centuries] Russkaja muzykal'naja gazeta. [Russian Music Newspaper]. 1909, No. 8—10.
17. Preobrazhenskij A. V. Oчерк istorii cerkovnogo penija v Rossii [History studies of church singing in Russia]. St. Petersburg, [1910], 72 p.
18. Razumovskij D. V., protoierej. Cerkovnoe penie v Rossii. Opyt istoriko-tehnicheskogo izlozhenija [Church singing in Russia. An attempt of a historical and technical presentation]. Vol. 1. Moscow, 1867, 136 p.
19. RGB [Russian State Library, Moscow], F. 304.I, No 23.
20. RNB [Russian National Library, St. Petersburg], Q.п. I. 32.
21. RNB [Russian National Library, St. Petersburg], Pogod. 43.
22. Russkaja duhovnaja muzyka v dokumentah i materialah [The Russian sacred music in documents and sources]. Vol. 7: Afonskaja jekspedicija Obshhestva ljubitelej drevnej pis'mennosti [Athos expedition of the Amateur Society of Ancient Writing]. Kniga 1: Dnevnik S. V. Smolenskogo. Pis'ma. Materialy. [Book 1: Diary of S. V. Smolenskij. Letters. Sources]. Moscow, 2012, 797 p.
23. Savva, arhimandrit. Pis'mo k redaktoru [A letter to the editor]. Izvestija Imperatorskoj Akademii nauk po Otdeleniju russkogo jazyka i slovesnosti. [Bulletin of the Imperial Academy of Sciences, Department of Russian language and literature]. Vol. 7. St. Petersburg, 1858, columns 371—374.
24. Sergij (Spasskij), arhimandrit. Polnyj mesjaceslov Vostoka [The full Menologion of the East]. Vol. 1, Appendix No. 5. Moscow, 1875, pp. 22—24.
25. Smolenskij S. V. Neskol'ko novyh dannyh o tak nazyvaemom kondakarnom znameni [Some new data on a so-called Kondakar notation]. Russkaja muzykal'naja gazeta. [Russian Music Newspaper]. 1913, No. 44—46, 49.
26. Smolenskij S. V. O drevnerusskih pevcheskih notacijah: Istoriko-paleograficheskij oчерk [About Old Russian singing notations: Historical and paleographic studies]. St. Petersburg, 1901, 120 p.
27. Sreznevskij I. I. Slavjano-russkaja paleografija XI—XIV vekov. Lekcii, chitannye v imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete v 1865—1880 godah [Slavic-Russian paleography of the XI-XIV centuries. Lectures read at the Imperial St. Petersburg University in 1865—1880]. St. Petersburg, 1885, 261p.
28. Undol'skij V. M. Zamechanija dlja istorii cerkovnogo penija v Rossii [Remarks on the history of church singing in Russia]. Moscow, 1846, 48 p.
29. Fonkich B. L., Poljakov F. B. Grecheskie rukopisi Moskovskoj Sinodal'noj biblioteki: Paleograficheskie, kodikologicheskie i bibliograficheskie dopolnenija k katalogu arhimandrita Vladimira (Filantropova) [Greek manuscripts of the Moscow Synod library: Paleographical, codicological and bibliographic additions to the catalog by archimandrite Vladimir]. Moscow, 1993, 239 p.
30. Shehovtsova I. P. Predvaritel'nyj spisok k katalogu grecheskih pevcheskih rukopisej moskovskih sobranij [A preliminary list to the catalog of the Greek singing manuscripts from the Moscow collections]. Muzykal'naja arheografija—2013. [Musical archaeology—2013]. Moscow, 2013, pp. 172—220.

Received March 12, 2016